

сприйняття слухачів і стає надбанням локальної традиції.

ЛІТЕРАТУРА:

1. *Гарнизов В.* Вещи и пространство в погребальните и поминалните обреди от Михайловградско // *Български фолклор.* – 1986. – Кн. 3. – С. 16–29; 2. *Генчев Ст.* Оплакването в четири села от Смолянско // *Известия на етнографския институт и музей.* – София, 1972. – Кн. 14. – С. 261–278; 3. *Генчев Ст.* Семейни обичаи и обреди // *Добруджа*; 4. *Етнографски, фолклорни и езикови проучвания.* – София, 1974. – С. 265–300; 5. *Кауфман Д.* Оплаквания на покойници в България // *Обреди и обреден фолклор.* – София, 1981. – С. 257–282; 6. *Кауфман Н., Кауфман Д.* Погребални и други оплаквания в България. – София, 1988. – 390 с.; 7. *Кацарова Р.* Оплакване на покойници // *Изв. на Институт за музика.* – София, 1969. – Т. 13. – С. 177–202; 8. *Маринов Д.* Оплакване // *Жива старина.* – Руссе, 1892. – Кн. 3. – С. 233–243; 9. *Тодоров Д.* Специфика и някой художествени особености на българските тъжачки // *Етногенезис и културно наследство на българския народ.* – София, 1971. – С. 147–150.

Михайлов К. (София, България)

Сведения о Болгарии и о болгарях в русской среде XI–XX вв.

У статті, багатій на фактологію, простежується процес ознайомлення росіян із болгарами й Болгарією протягом багатьох сторіч; пропонується періодизація цього процесу, відповідно до сформованих у ньому тенденцій.

Ключові слова: історичне пізнання, групи пам'яток, «болгарське», політична доктрина.

В статтє, багатой фактологией, прослеживается процесс ознакомления русских с болгарами и Болгарией на протяжении многих веков; предлагается периодизация этого процесса, сообразно сформировавшихся там тенденций.

Ключевые слова: историческое познание, группы памятников, «болгарское», политическая доктрина.

In the text, who rich many facts, has got a process having information Russian about Bulgarians and Bulgaria; the author suggests a periodization of this process.

Key words: historical knowledge; types of original texts; "bulgarianology"; political doctrine.

В любом обществе информация и информированность демонстрирует существенный интерес к определенным темам и проблемам, являющимся необходимыми в определенный исторический момент. Это, со своей стороны, определяет не только осведомительную, но и коммуникативную направленность, а также идентичность данного общества*. При рассмотрении вышеназванного процесса в диахронной перспективе может

---

* Либо воспринимаемая и оцениваемая соответствующую информацию как «свое» и приближаясь к нему, либо воспринимаемая и оцениваемая эту информацию как «чужое» с вытекающим из этого неприятием.

формироваться понимание и заодно – непонимание – данных тем и, соответственно, утверждение определенных понятий и представлений. В нашем случае – представление о Болгарии и о болгарях в русской среде. А поскольку речь идет о двух разных народах, то неизменно возникает вопрос об отношении русских к болгарам – в частности и вообще.

Знание о “другом” и о “других” – это всегда сложный психоцивилизационный процесс, в котором участвуют такие первоначальные механизмы, как любопытство, желание выделиться (причем выгодно), а затем – сравнить, воспринять и отбросить. Уже потом возникает необходимость более глубокого рассмотрения проблем, формулирования, определения отношения (тактического и стратегического), что в государственных структурах называется политикой. Отношение к “болгарскому”^{*} в русской среде в значительной степени усложняется, поскольку в древний, античный и средневековый период болгарское (в самом широком понимании) оказывалось в принципе не только ведущим в цивилизационном отношении к разным племенам, но и потому, что оно, в определенные века, играло значительную роль в собственно русской истории. Причем здесь речь идет не только об отдельных элементах цивилизации тех времен (например, о вооружении, еде, предметах быта), но и об организации цивилизации или о цивилизационных структурах: способах войны, архитектуре/освоении пространства, научных познаниях^{**}. Следующая трудность состоит в том, что Болгарий и болгар – несколько. И на протяжении веков они различались достаточно существенно, хотя речь идет о когда-то одном и том же народе, об одном и том же государстве. Болгары – ирано-туранский народ^{***}, сумевший создать свою империю, которая противостояла Византии во

* Этим общим термином – по сути субстантивированного прилагательного – будет дано общее обозначение Болгарии, болгар и их характеристик.

** По этим вопросам существуют достаточно много материалов, причем не только болгарских авторов. Желаящим осведомиться рекомендуем докторскую диссертацию Петера Юхаса “Културата на тюркоболгарите”, София 1984, (более ранним венгерским автором, разрабатывающий те же вопросы является Геза Фехером); болгары Ценов Г. – “Произходът на българите и началото на българската държава и българската църква”, София 1910, Вълчев Й. – “Календар и слово”, София, 1983, Димитров Б. – “Болгары – цивилизаторы славянского мира, София, 1993, Чилингиров А. – “Църквата “Св. Герман”, Берлин, 2001.

*** Современная российская наука почему-то предпочитает говорить о болгарях (имеется в виду протоболгары) как о тюрках, категорически не считаясь с тем, что сами болгары думают о себе. Так называемая “тюркская теория” о происхождении болгар, существовала еще с конца 18 в. наряду с “угро-финской”, “хунской”, “татарской” и некоторыми другими (алтайская, памирская), и все они показали свою несостоятельность, не выдерживая фактов археологии, антропологии и лингвистики. Основные болгарские племена известны в истории под именами оногуры, кутригуры и утигуры, и делятся на белых и черных болгар. Все они, вместе с некоторыми неболгарскими племенами, образовали хунские орды, причем “хун” значит “род”, а “орда” – “порядок”, “иерархия”. В 7 в. часть болгар, под предводительством Испора (в армянских источниках Аспарук; в латинских – Исперих), двинулась на юго-запад и создала так называемую Задунайскую Болгарию, которая сначала была частью Великой Болгарии (на границе Евразии), а потом – постепенно превратилась в

времена, когда на территории Европы не было ни одного другого государства*. Существуют многочисленные факты, большая часть которых принята в науке по отношению к славяно-болгарскому** воздействию на русские племена и на русские княжества. В области языка и литературы это обозначается как “южнославянские влияния”***, но есть также влияния в сфере христианской службы, архитектуры, художественной росписи, оформления церквей [2], и даже – генетического унаследования [3].

Прежде всего, нужно установить все группы источников, по возможности, их распространенность, суть, отношение русских к ним, идеи и проблемы, которые они вносили в русское общество. Очевидно, что эти источники относятся преимущественно к христианству, так как, начиная с X-XI в.в., утверждение христианства в русских, белорусских и малорусских княжествах поставило эти структуры и их население в прямую зависимость от установившихся прежде христианских центров. Мы не ставим перед собой научную задачу поднять спор о южнославянских влияниях на новый научный уровень. По этим вопросам существует обширная литература и каждому заинтересовавшемуся можно обратиться к существующим изданиям и проблемам. Моя цель – пунктуально придерживаться фактов, с тем, чтобы читатель сам рассудил, к какой тенденции относятся эти факты.

Итак, думаю, что существует шесть групп источников: богословская литература, историческая литература, филологическая литература, юридическая литература, мемуарно-репортажная литература с подгруппами описания святых мест и письма, и наконец – очные неписьменные материалы, среди которых отмечаем географические карты и схемы, и картины святых мест (не только монастырей). Рассмотрим первую из них, которая включает богословскую

самостоятельное государство. В Балканских условиях пришедшие болгары ославянились, ассимилирова с местными племенами (преимущественно антами, славинами и северами, но так же и тимочанами, смолянами, стримонами, сагудатами, драговичами, верзитами и нек.оторыми другими). В итоге, те болгары, которые остались в своих старых поселениях, сохранили свой язык и приняли ислам; болгары, которые пошли за Дунай, приняли славянский язык и христианство. Великая Болгария, Волжско-Камская Болгария, Задонское ханство, Казанское царство (это те Болгарии, которые существовали в области Азии и Восточной Европы) и Заднауйская Болгария пошли своим путем, имели свои исторические перепетии и по разному формулировали идею своей государственности.

* Я имею в виду собственно государства, а не племенные союзы (обычно очень кратковременные), либо полисные конструкторы, называемые по тем временам княжества, герцогства, позже – республики.

** Я ограничусь именно этим воздействием – задунайских болгар на русских и Россию.

*** С начала XIX в. и по сей день об этом писали такие выдающиеся ученые, как В. Григорович, И. Сперанский, М. Попруженко, О. Бодянский, Д. Лихачев, Г. Литаврин и мн. др. Кстати – вышеупомянутое влияние было использовано славянофилами как аргумент для необходимости помочь болгарам, в том числе и войной, против турок, чтобы “вернуть за Былые благоденяя”.

литературу*. Нужно отдельно отметить, что часть ее существует обособлено и трактуется таким же образом. В нее входят высокие богословские сочинения – например, такие как “Небеса” и “Физиология” Иоанна Экзарха, христианская этика и эстетика – преимущественно в переводах поучительных обращений великих церковных отцов; богослужебная литература – молитвы, службы, изъяснение канонов (самый представительный жанровый свод это типик; но также входят пенитенциарии, списки запрещенных книг, правила иконописи и других изображений – зоографии и др.), следует снова упомянуть правила богослужебного песнопения (номоканон), правила лечения (опять-таки молитвы, но по поводу и с описанием обряда). К богословской литературе относятся и “низкие” жанры – агиографическая продукция, патерические рассказы. Некоторые вышеупомянутые тексты по тем временам считались “историческими” – напр. жития**. Именно в рамках богословской литературы существуют “незамеченные” тексты и “произведения”. Это те тексты, которые как бы подразумеваются сами собой – например молитвы. Они существуют как неотъемлемая часть христианства, но их тоже кто-то перевел, скомпилировал или написал. А поскольку они необходимы с самого начала Христианства, в отличие от тех текстов которые могли быть созданы позднее, то как они появились в русских княжествах? Ведь не было ни при Владимире, ни при Святославе такого уровня толмачей, тем более – писателей. Значит их “привезли” из Болгарии – единственной страны, где они не только были переведены, но и использовались на протяжении многих лет***. Известно, что “Отче наш”, молитвы к Святой Троице, к Святому Духу, молитвы суточного круга входят в самые необходимые тексты для любого христианина, тем более для священника. Среди “незамеченных” христианских познаний нужно обязательно упомянуть все то, что устно доносилось, объяснялось, толковалось – как во время богослужения, так и во время обучения священников, и наконец – во время бесед с пастой и с отдельными христианами. В подавляющем большинстве случаев – это импровизационные риторические речи, которые не были записаны и не дошли до нашего времени, но нетрудно предположить их существование, что необходимо брать в расчет. Если мы обратимся к Евангелию, то в нем такие жанры обозначены: беседы, поучения, наставления, указания...

На самом деле – что из вышеупомянутого мы устанавливаем в русской среде? Хотя христианство является универсальной, а отнюдь не догмой

---

* В болгарской науке о Средневековье обычно предпочитается термин “книжнина”, но слово “литература” тоже давно распространилось и ученые понимают все различия, которое оно содержит, когда относится к средневековым источникам.

** Сечась их относят, причем с большой натяжкой, к параисторическим текстам.

*** Не стоит аргументировать, что Кирилл и Мефодий привезли их в Моравию уже переведенными, и как сумел обосновать болгарский медиавист Трендафил Кръстанов – они употреблялись во Вифинии и в несколько других славянских епархиях достаточно долгое время.

народного характера, то в деятельности болгарских авторов и авторов, употребляющих старославянский язык в его болгарском варианте, есть особая характеристика – этносная маркировка. Ее легко можно объяснить, достаточно вспомнить в каких условиях утверждалась “болгарская вера”: первые апостолы* активно противостояли византийской и папской Римско-католической амбициям распространять учение Христа только на греческом языке и на латыни (так называемая “триязычная ересь”, где третий язык был еврейский). За это многие из них поплатились свободой, а немало – и жизнью**. Так сложилось, что и в более поздние века борьба между болгарским и византийским духовенством продолжилась, не стихая. И медиависты знают обо всех сложностях в указанном процессе. С одной стороны болгарские богословы переводили с среднегреческого сочинения “мировых” умов, переводили и византийские авторы***; с другой стороны – они были вынуждены защищаться, так как официальная византийская церковь относилась к ним как к еретикам. Так или иначе, начиная с Черноризца Храбра и Константина Преславского и заканчивая теми людьми, которые работали на территории России в XIX в. как Натанаил Охридский, З. Княжеский, будущий болгарский экзарх Антим I – все оставляли в рукописях свои этнонимы (т.е. определялись болгарам). Я не буду перечислять в этом плане десятки заглавий книг, но все же укажу на один очень знаменательный по своему содержанию сборник – это рукопись с произведениями Евфимия Терновского, болгарского

---

* Здесь я конечно имею в виду святых седмочисленников: Кирилл, Междодий, Климент, Наум, Горазд, Савва и Ангеларии; после них дело староболгарского языка как общеславянский богослужебный язык продолжили Черноризец Храбр, Константин Преславский, пресвител Григорий и мн. др.

*** Как известно, после смерти солунских братьев огромная часть их учеников – а они сумели обучить несколько сотен таких – были проданы в рабство: в том числе и в Константинополе, часть была истреблена и лишь пятеро успели добраться до Болгарии и там были встречены с большим уважением. Им была представлена возможность создать два из самых старых европейских книжных центра (по нынешним представлениям – университеты): Плисковско-Преславская и Охридская школы. О том, что Кирило-Мефодиевская традиция с самого начала вышла из-под контроля византийского проекта, и превратилась в славяноболгарское дело, ясно говорят факты: а/ ученики не стремились к Византии, а к Болгарии; б/ Кирил и Мефодий были канонизированы болгарской, а не византийской церковью (последняя сделала это лишь в 1971 г. ?!); в/ после падения Болгарии под византийской властью в 1018 г. имперским духовенством во главе с архиепископом Львом Пафлагонийском (с 1037 г.) началось уничтожение болгарских книг, а ровно и болгарских церквей; г/ преследование болгарских книг продолжилось и на Руси под формой “исправления священных текстов” (с 11-го по 19 в.).

Особенно излюблены были такие авторы как Григорий Назианзин, Григорий Паламас, Михаил Пселл, Ефрем Сирий, Иоанн Дамаскин, Дамаскин Студит; историк Константин Манасий, чью хронику заказал специально болгарский царь Иван Александр.

патриарха, содержащий жития святых, “просиявших из болгарского рода”. Подобные сборники смешанного содержания были достаточно распространены не только в болгарских землях, но также в Валахии, Молдовии, Бессарабии. Об этом говорят существующие списки с Евфимиевскими текстами* в разных библиотеках.

Тут я подниму любопытный вопрос: были авторы, совершенно не связанные с болгарским, либо с болгарским происхождением** – тем не менее, они включали в свои имена этноним, поддерживающий интерес к болгарскому, указывал (хотя и подспудно) на творческие возможности болгарских авторов. Это Феофилакт Болгарский (Охридский), чье толковое евангелие получило неимоверное распространение; Софроний и Йоаникий Лихудис, основатели Московской славяно-греко-латинской академии, которые настаивали на своем титуле “болгарские князья”; писатель Фадей Булгарин.

Впрочем, этническая маркировка не только “болгарская особенность”. Ровно, по тем времена, существовало и понятие “греческая вера”, что впоследствии привело к тому, что все и все, что относилось к балканским пределам, называлось “греческое”. На одной научной конференции в Софии в восьмидесятые годы я познакомился с Феодором Греком, фольклористом из Одессы. На вопрос о его национальности и происхождении фамилии он ответил, что является “истинным болгаринном”, но, по традиции, всем приехавшим с Балканского полуострова и исповадавшим православие давали клички “греки”. Этому также способствовало то, что обычно болгарские купцы и грамотеи XVIII-XIX вв. в Таврии, Бесарабии и Молдавии, состояли в греческих содружествах, активно помогали денежными взносами, некоторые из них придавали своим именам греческие окончания и даже предпочитали говорить о себе как о греках.

О существовании особой “болгарской веры” свидетельствуют многие данные: напр. папа Иоан VIII в своей булле (972 г.) называет веру болгарского народа “сектанской” [4]; на соборе в Сполато (1069-72 г.) Мефодий прямо был назван “еретиком и арианом”; в житии Ивана Владислава болгары определены как “еретический народ”***. (Подробно о всех хулах против болгар со стороны византийцев, которые “исправляли”

---

* В обособленном виде этот сборник хранится в Бухаресткой библиотеке Академии наук, в отделе славянских рукописей под № 164 по кодексу Панайтеску.

** Под Болгарами я имею в виду (в традициях русской истории) задунайские болгары-христиане; под Булгарами я имею в виду волжские болгары-магометане.

*** Первый об уничтожении болгарских книг и о замене “болгарского следа” в русских рукописях писал М.А. Оболенский – “О первоначальной русской летописи” (Москва, 1870); потом уже – и многие другие авторы: М.Д. Приселков, Г. Подскальский, А.А. Шахматов, М.В. Левченко и т.д.

священные тексты на Руси, можно прочитать у М.А. Оболенского [5]). В этом состоит весь “секрет” появления этнонимов в славяноболгарских текстах. И если в пространных и проложных житиях Кирила и Мефодия отсутствуют специальные указания на народность (они сохранены в т. наз. Панонских легендах), то уже в житии Климента Охридского и его сподвижника и равноапостольного Наума Охридского такие появляются. Ясно и направление, откуда пришли такие сочинения, как “О писменех”^{**} Черноризца Храбра, “Азбучная молитва” Константина Преславского, “Протоэвангелие Иакова”^{***}. Чтобы понять всю сложность проблемы необходимо найти ответы на абсолютно логичные вопросы: почему в русских рукописях перечисленные произведения опускаются, либо переписываются с опущением этнонимов. Известно, что жития Климента и Наума постепенно начинают заменяться другими произведениями^{***}; что полемические сочинения (такие как “О писменех”) начинают употребляться в сокращенном виде – таком, как цитаты; что сведения о переводчиках упраздняются. И так как любой медиевист хорошо знает, с какой пунктуальностью относились переписчики к оригинальным текстам, становится понятным, что речь идет о жесткой идеологической борьбе. Таким образом, знания о Болгарии и о болгарях в той ранней поре начали теряться в русской среде. Византийская “партия” среди правящей знати взяла верх и начала проводить манипуляционную политику. Она доходила до сознательного уничтожения болгарских этнонимов в текстах, либо до их замены терминами “византийский”, “православный”, “славянский” и... даже

---

* Роль этого произведения настоль велика, что оно переписывалось в сборниках разного рода вплоть до XVIII в. Можно жирно подчеркнуть, что оно входило как начало в структуру такого интересного жанрового комплекса как “Азбуковник или толкование иностранных слов в Св. Писании и Отцах восточной церкви” (варианты . Альфавит, Лексикон) – см. №№ 1643, 1081, 1650, 1654 Погодинского собрания, хранящееся в Публичной библиотеке им. Сальтикова-Щедрина, Санкт Петербург.

** Речь идет о свидетельстве Иакова Заведя, сущий брат Иоана Богослова. Его произведение имело достаточно широкое распространение в Болгарии и на Руси, но было запрещено в Византии: см. Стара българска литература. Т. I. Апокрифи. – София, 1982, с. 11. Факт устанавливается при сопоставлении Исидорового индекса с Пагодиновским.

*** Знаменательное событие – уничтожение оригинального пространного жития Климента Охридского и написание его заново Феофилактом Охридским – что представляет идеологическую византийскую редакцию болгарской фактологии. На этом останавливались независимо друг от друга такие авторы как М.Д. Приселков (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. - Спб., 1913), Г. Подскальский (Христианство и богословская литература в Киевской Руси. 988-1237 гг. - Спб., 1996), Д. Оболенский (Богомилите. – София, 1998).

“сербский”^{**}, лишь бы не “болгарский”^{***}. Следовательно, мы можем сделать вывод, что в просвещенном русском сознании это был первый этап, когда имена болгарских писателей и деятелей болгарской церкви не просто входили как апостолы и пропагандисты христианства, но и как учителя неопитов.

Говоря о болгарском присутствии на Руси, я не могу обойти один из самых значимых фактов, а именно – крещение Киевских князей и их людей. Тем более, что он предшествовал появлению болгарских книг и священнослужителей на Руси. Я убежден, что факт крещения превращен в “неразрешимый вопрос” в силу идеологических, а впоследствии – и пропагандистских целей. Сначала “болгарский след” не был выгоден провизантийской партии в некоторых русских городах, а потом он оказался неприемлемым для великорусских претензий на “Третий Рим” – на то были не только политические, но и канонико-правовые причины. Теперь же дело не в научных концепциях и спорах, а в источниках^{***}. Недвусмысленно

---

* Показателен следующий пример: в азбуковниках – своеобразные словари иностранных речей – сначала многие термины были обозначены как болгарские, а в более поздних рукописях (примерно с XVII в.) мы начинаем встречать замены “болгарского” на “сербское”. Дело доходит до того, что в Азбуковнике под № 1644 Погодинского собрания само слово “слово” уже выступает как сербский термин, хотя оно восходит к Мефодиевским переводам, а как известно в начале IX в. никакие сербы в Солуне не жили и быть не могло. Немаловажно то, что азбуковники, в которых прослеживается ясная антиболгарская тенденция, начали появляться после деятельности Максима Грека по очередному “исправлению книг” на Руси.

** По этому вопросу я сознательно не буду ссылаться на болгарских авторов, а ограничусь именами современных русских и русскоязычных ученых: Муртузалиев С.И. Степенная книга и Русский Хронограф как источники по истории Болгарии XIV-XV вв. В сб.: Славяне и их соседи. Тезисы 18 конференции памяти В.Д. Короллюка. Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века – раннее Новое время. М., 1999, 111-113; Горина Л.В. Сведения о болгарском пресвитере Григории (X в.) в Русском хронографе. (того же сборника, 41-43). Самое странное, что сложившаяся традиция более чем сильна и по сей день: стоит только появиться наименованию “болгарское”, “болгарин” в какой-то публикации и сразу начинаются ожесточенные споры и опровержения; в то же самое время “византийское”, “греческое” и даже “сербское” не будят у большинства советских, русских и даже у русскоязычных авторов никаких возражений?!

*** Я не хочу приводить существующую литературу, и думаю – нет смысла комментировать аргументы того или другого автора. Я лишь приведу итоговое мнение русского историка Е.Е. Голубинского, который написал что “сразу после крещения Руси, туда попала почти вся церковная литература в болгарских переводах и что только переписывание даже доли этой огромной литературы вышло бы за рамки возможностей Киевской Руси” (цит. по Табов Й. – “Когда крестилась Киевская Русь”, Спб, 2003, 218-9).

** После Второй мировой войны первым поднал вопрос о связи между Болгарией и Киевом Вс. Николаев (Славяноболгарский фактор в христианизации на Киевска Русия.- София, 1949).

Иоакимовская летопись сообщает, что царь Симеон “послал иереи учены и книги довольны” [6]. Далее говорится, что во Владимирский княжеский двор прибыл митрополит Михаил “болгарина суша” с славянскими епископами, дьяконами и певцами (вот корни “болгарского распева”!). Эти сведения соответствуют сказанному в Повести временных лет, где читаем, что Борис и Глеб есть сыны Владимира “от болгарины” (то же самое подтверждается и в “Сказании о Борисе и Глебе”). Факты проанализированы В.Н. Татищевым и М.Д. Приселковым. В упомянутой ранее статье Л. Горина упоминает и факт присутствия в русской духовной жизни “пресвитера Григория, монах и церковник всех болгарских церквей” (см. зам. на с. 7-41). Тут можем добавить и все данные от том, что княгиня Ольга была болгаркой. Неправильно современная русская наука считает, что этот вопрос был поднят архимандритом Леонидом в 1888 г. его хорошо известной статьей “Откуда родом была св. великая княгиня Ольга” [7]. Тем самым та же самая наука непонятно почему игнорирует книгу Славенского и Херсонскаго архиепископа Евгения Вулгара (суший болгарин) – “Историческое розыскание о времени крещения Российской великой княгини Ольги” (Санкт Петербург, 1792 г.). В жанре научной жизни допускается две возможности: согласие, или опровержение; умалчивание, столь излюбленное некоторыми авторами, лишний раз указывает на манипуляционную властность! А этнические корни Ольги указаны во многих старых источниках. Это и “Новый Владимирский летописец” (XV в.) в котором есть фрагменты Повести временных лет, но с иными фактами: “Игоря же ожени в болгарех, поять же за него княжну Ольгу...”; это и Лаврентьевская летопись, которая рассказывает о личности Григория Мниха, “пресвитер всех болгарских церквей”, а дальше – о семье Владимира Красное Солнышко. Как справедливо указывает П. Димитров, а после него и Й. Табов – здесь самая важная проблема это о династических связях между Болгарском и Киевском дворами. Шла беспощадная борьба между претендентами на Владимирское наследие: с одной стороны болгары полукровки Борис и Глеб, с другой – Ярослав. Как и во всех княжеских дворах, так и здесь, подобные амбиции разрешаются убийством. И опять как всегда и во всех временах – смена власти означала смена политики. Все же, в тогдашние времена, узкая связь между славяно-болгарскими просветителями и русскими учениками была не только знаменательна, но и взаимоотношения выдавали сходные судьбы – выбранный общий путь на православие, каким оно было в понимании болгарских духовников*.

Как читатель убеждается, в последних абзацах я уже включил вторую группу памятников – и именно историческую литературу. В самых древних

---

* Уже накопилось достаточно материалов, чтобы говорить, что в это православие входили черты гносеологического христианства, с некоторыми богомилскими элементами. Именно потому в более позднем византийском понимании “болгарская вера” была заклеена как еретическая.

летописях, в житиях и сказаниях “болгарское” занимает свое достойное место. Приблизительно в этом периоде появляются несколько русских хронографов, которые известны в более поздних списках (XV-XVI вв.). – так называемый Архивский, Виленский и Варшавский хронографы. В них тоже можно найти “болгарский след”. Бесспорно здесь самое интересное – это перевод Книги Царств из Ветхого завета, сделанный пресвитером Григорием. Тот самый, который входил в состав делегации княгини Ольги, когда ее принимал император Константин Багрянородный. Л. Горина [см. зам. на с. 7**] аргументирует, что перевод Книги Царств показывает зародившуюся в Болгарии идею о родстве между Старым и Новым заветом (вместе с идеей об истинности Христовых пророчеств). Здесь я могу только добавить, что перевод был заказан болгарским царем Симеоном, чтобы каноническим способом аргументировать его право на Царьградский престол*.

Нужно еще упомянуть юридическую литературу (третья группа памятников) – законы, которые содержатся в изборниках Святослава. Связь между ними и изборниками болгарского царя Симеона исследовал тщательно П. Димитров [8], и думаю, не стоит пересказывать его текст.

Современная учебниковая русская идея, что с XI в. начинается русское влияние на Болгарию, так как последняя пала под византийской властью будит серьезное недоумение. Прежде всего – потому, что воздействие, о котором идет речь, приходит не со стороны политики болгарского государства, а со стороны книг и содержащихся в них идей. Анализ показывает, что в XI в. эти идеи были все еще достаточно актуальными и высоко богословскими*; и кроме того – потому, что в этом периоде на территории Болгарии разразилась жесткое навязывание византийских традиций в духовном плане. Был выведен из употребления в богослужениях славяно-болгарский язык, началось массовое уничтожение рукописей, гонение авторов и скрипторов. Так что – если можно говорить о влиянии, то это, безусловно, влияние-насилие со стороны византийской книжной продукции и, главным образом, со стороны церковной институции. Наконец Византия как империя перестала существовать в XIV в. (хотя сам Царьград пал под турками в середине XV в.), но “византийская” продолжала быть одной из важнейших православных, культурных и литературных традиций вплоть до XIX в., посредством своих авторов и созданных духовных и научных центров. Это не только монастыри на территории Османской

---

* По тем временам это отвечало на политическую идею Симеона Великого, который хотел объединить всех славян на Балканском полуострове под своей короной (между прочим свою корону он получил в надлежащем обряде “Венчание на царство” из рук Царьградского патриарха). Настоящая идея принадлежит коллеге Д. Димитрову, обосновавший ее на научной конференции в Софии в 2004 г.

** Это равносильно утверждать, что сочинения Ф.М. Достоевского уже не воздействуют ни на кого, так как их автор умер.

империи, которые продолжали в гораздо более сложных условиях существовать и “творить”, но и эмигрантские центры – города и университеты на итальянском полуострове, в причерноморской зоне, на беломорских и средиземноморских островах.

Из-за недостатка материалов, относящихся к XI-XII вв., трудно судить о распространенных знаниях о болгарях и Болгарии в русской среде. Хотя то, что было написано до того времени (и не было уничтожено), находилось еще в обороте, читалось и запоминалось. Известно, что тогда начали делать переводы некоторых византийских летописей (напр. Иоана Малалы, Иоана Скилицы), в которых имели скудное место и определенные моменты болгарской истории – разумеется, под бдительной византийской редакцией. Знаменателен в этом плане рассказ о том, как император Михаил вынудил болгар креститься, а потом отдал им (за это?!) часть Фракии. Так или иначе, но я думаю, что именно в этот период начало формироваться понимание болгарского исторического развития как существования отдельных царей. Между ними годы и десятилетия “черных дыр”, хронотопы нулевой информации. “Острова” подобного исторического познания легко восстановить, поскольку оно продолжается и до сих пор. Смотря на современные учебные карты (каких времен?), любой может убедиться, что на месте, где должна быть Болгария, значится: Византия, Сербия, Франкское королевство, и даже... Печенеги. И все это тогда, когда царь Калоян громил византийские войска. На первый взгляд, не очень понятно, по какой причине, но “русская модель” на болгарскую историю имеет форму следующих информационных всплесков: Аспарух (Константин Погонат разрешает болгарам поселиться на его территории) – Борис (принимает крещение) – Святослав (русская власть в Болгарии) – Самуил (болгарская держава гибнет) – Асен и Петр (Болгария освобождается) – Тертер (Болгария под татарским рабством) – Шишманы (Болгария под турецким рабством). Все остальное – это туманные периоды, когда практически болгарское государство не существовало. Даже две неудачные войны Симеона с сербами трактуются как “сербская власть над болгарями”; о Симеоне русские вообще стараются умалчивать. В принципе, такое понимание складывалось конечно по византийским летописям, которые служили в качестве глобальной концепции о мировом развитии. Разумеется, на Руси были известны книги Цезаря Барония и Мавра Орбина, но им не оказывалось внимания: то, что было там сказано, выходило за рамки русской государственной доктрины.

С XIV по XV в. в русской среде начался третий период познания о «болгарском». Тут роль снова сыграли экстремальные исторические условия. Сначала Патриарх Евтимий провел свою радикальную реформу в сфере духовности, языка и литературы, а потом турки уничтожили болгарскую державу. Поток грамматиков хлынул с болгарских земель на запад, север и северо-восток, а с ними – исихастские идеи, стиль “плетение словес”, трансформированные жанры, новые стихиры, “раскольнические книги”, жития

болгарских святых... В русских духовных центрах появились поучительные слова болгарских авторов, а также жития болгарских святых. В московских библиотеках и в Санкт Петербурге можно установить немалое количество списков о жизни старца Ивана Рильского. В какое-то время эти святые были представлены в русском церковном календаре, со временем же их имена были заменены. Вместо Климента Охридского появился Климент Римский, Кирил, Мефодий, Иларион Мьгленский, Ромил, Георгий и Стефан новые вообще отпали, Иван Рильский и Евфимий Тырновский задержались на некоторое время. Зато в рукописных книгах появился рассказ о падении города Тырново под турками. Вплоть до XVIII в. исторические тексты (упомянутые уже хронографы) сохраняли старое представление о мире. Скорее здесь подобает отметить разного рода изображений. Любопытно то, что в географических картах и рисунках – большинство из них приходили с запада и лишь отдельные экземпляры с востока – Болгария продолжала существовать и представляться: правда, уже не как государство, а как территория, на которой живет соответственное население, но, тем не менее – это была память, память общеевропейская, общепринятая*. Этот факт напрямую связан с тем, как сами болгары думали о себе – уже в XIX в. и в печати, и в личных письмах, и в книгах авторы употребляли слово Болгария не мирясь что на протяжении пять веков такая держава не существует. Зато существовала страна Болгария, болгарское общество, которое поборолось за свое самоуправление, за самостоятельную церковь, за образование на болгарском языке... Могу представить следующий факт – один из популярнейших учебников региональной географии был переводом с французского Платона Шагарова работы Г. Паллере – “Сокращенное географическое описание Турецкой империи” (Москва, 1790). Там описаны болгарские территории Болгария, Романия (Румелия) – древняя Фракия, Македония с некоторыми городами: София, Видин, Никополь, Силистра, Варна, Филиппополь, Адрианополь. По поводу самого болгарского населения автор дает следующую любопытную заметку: “Болгары суть Греки и находятся под начальством Константинопольского Патриарха. Сию Болгарию не должно почитать за одну и ту же с Великою Булгариею, или Булгарским королевством, находящимся отчасти в Европе, и отчасти в Азии, и принадлежащего Россиянам”***.

---

* Географическая территория Болгария не охватывала существующей болгарской державы, а лишь северную ее часть, Софийская область, Нишская область. В античных картах Северная Болгария фигурировала как Мисия (Moesia) – сама наступившая перемена уже знаменательна.

** Можем отметить все концентрированное познание о болгарском, распространенное по тем временам – наличие двух Болгарии, и то, что задунайские болгары – греки. Очень важно и то – какие области географы считали болгарскими, какие города упоминались. И конечно автор ошибается, когда писал, что болгарская церковь не существовала и “находится под Константинопольского Патриарха”. Это случилось лишь в 1797 г. Здесь невозможно умалчивать то, насколько болгарская наука, начиная

С XVIII в. начинается совершенно новый этап в понимании «болгарского». Это было связано с изменениями в государственной исторической доктрине при Петре I*. Как можно понять – в тот период была по новому осмыслена необходимость сконструировать нужную для Российской империи политику на основе серьезных научных познаниях. Соответственно было принято решение целенаправленно и методично разобраться с теми народами, которые находились в близком отношении к россиянам. Тенденция была продолжена Екатериной II. И в самом начале нового светского понимания болгарских государств и болгар стоит имя и деятельность выдающегося, а ныне несправедливо забытого автора Иогана Готгельф Штриттера**. Его усилиями был создан крупнейший корпус исторических произведений, содержащий в себе все многовековые знания в области истории. Это было своеобразное “постижение истории”, причем на высоком научном (перевод византийских и латинских оригиналов), понятном (сокращенное итоговое познание на русском), а также популярном уровне (фрагментное опубликование самых важных тезисов в календарях и сборниках). Сам И. Штриттер сообщает в свое Предисловие [9]: “...Императорская Академия наук... приказала мне из всего собрания Византийских историков сделать полные выписки, которые бы в себе содержали не только все то, что принадлежит близко к Российской истории, но и собрать также известия о других, особливо переселявшихся, и в прочем еще мало известных народов, най-паче тех, кои при реке Дунае, около Черного моря, Кавказких гор и Хвалинского моря, простираясь к северу, следственно в соседстве России, обитали”. Итак И. Штриттер проделал эту работу, переводя с французского издания (32 томов) более чем ста византийских авторов – от Дексипа Афинейского до летописей о падении Константинополя. Его труду русские обязаны своему полному познанию о болгарях, а болгары – восстановлению памяти о себе. Четвертая часть цитированной работы относится к болгарам – “О волгарах, валахах, хазарах, криманах, уцах, печенегах, венграх и о татарах (Санкт Петербург, 1775). Самое интересное, как было сказано выше, обособленный фрагмент о болгарях был опубликован в “Исторический месяцослов на 1776 год” (Санкт Петербург, 1776). Рассказ И.

с XIX в. права, считая, что болгар открыл для мира Григорий Хуца (Юрий Венелин) его произведение “Древние и Нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Росиянам” (Москва, 1829).

* В своем указе Петр I упомянул болгар как народ, принявший новый Грегорианский астрономический календарь. Этим указом на Руси вводилось как начало года месяц январий; начало летоисчисления бралось с Рождества Христова, а не с сотворения мира.

** В русском варианте имя пишется так: Иоан (Иван) Готтлиб (Михайлович) Штриттер (10.10.1740, Идстейн – 19.02. Москва) – историк, действительный статский советник. Учился в родном городе, а потом в разных немецких школ. В 1776 г. был вызван в С. Петербург и определен конректором и адъюнктом в Академическую гимназию. С 1779 г. переведен коллежским ассесором в Московской архиве чужестранной коллегии. Почетный член Императорской Академии наук (с 1787 г.).

Штриттера требует специального анализа, но подводя итоги могу сказать следующее о том, что вошло в русское общество как “болгарское” познание:

1. Болгарии и болгар несколько

2. Задунайские болгары – ассимилировались славянами, приняли славянский язык, находятся в близких родственных отношениях с русскими, связаны с ними одной верой.

3. Волжские болгары – тот же самый народ, но принял магометанскую веру и начал разниться в плане обычаев от задунайских болгар. Русские поддерживали торговые отношения, но и воевали с булгарами. При Иване IV Грозном Казанское ханство было разгромлено, и болгары вошли в состав Российской империи.

4. И. Штриттер поддерживал тюркскую теорию происхождения болгар.

5. Он впервые написал о разных болгарских правителях.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что информация о болгарях расширялась при помощи появившихся мемуаров, писем, репортажей – главным образом авторами, которые являлись участниками в военные походы против Османской империи. И самое важное – в русском обществе появились представления об обыденном болгарине, о его быте, обычаях, характере. Но это, как раз, следующий этап в понимании/непонимании между этими двумя народами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Вознесенский И.* Осмогласные распевы трех последних веков Православной русской церкви. II. Болгарский распев или напевы на Бог Господь Юго-Западной церкви. – К., 1891; 2. *Чилингилов А.* България. Византия. Русия.- Берлин, 2002; 3. *Халиков, Ал.* 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. - София, 2005; 4. *Чилингилов А.* Църквата “Св. Герман”. – Берлин, 2001. – С. 98; 5. О первоначальной русской летописи. – М., 1870. См. также *Табов Й.* Когда крестилась Киевская Русь.- Спб., 2004.; 6. См. Подробнее: *Димитров П.* Владимир Покръстител и княгиня Ана. Годишник на Софийския университет “Св. Климент Охридски”. Т. 83 (3). - София, 1989. – С. 49-83; 7. Русская старина. – № 19. – 1888. – С. 215-222; 8. Изборниците на цар Симеон // Темпо. – № 5. – 1990. – С. 3; 9. Известия византийских историков объясняющая Российскую историю древних времен и переселения народов, собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. – Ч. I. – Спб., 1771. – Л. 8.

Мушкетик Л.Г. (Київ, Україна)

Герой чарівної казки українських Карпат у світлі народних уявлень про ДОБРО і ЗЛО

У статті розкривається образ головного героя чарівної казки як еталона країнських людських якостей, соціально-ідеологічного канону для наслідування. На прикладах з казок – зокрема у вигляді повчальних сентенцій – розкриваються основні позитивні риси людини у світлі антитези добра і зла – доброта, розум, чесність, правдивість та ін., які згідно з ідеалізованим світом казки приводять героя до хепі -енду – щасливого завершення всіх його пригод і виконання бажань, що має виразне дидактичне спрямування.